

Дмитрий Валентинович Орлов родился в 1963 году в городе Пензе. Окончил Московское высшее техническое училище им. Баумана. Работал инженером-конструктором в Подмосковье. В настоящее время кинорежиссер. Публиковался в журналах «Москва», «Подъём», «Огни Сибири» и др. Автор нескольких книг прозы и многих литературоведческих статей о творчестве Юрия Кузнецова. Член Московской городской организации Союза писателей России. Живет в Москве.

Дмитрий Орлов

КОГДА КРИЧИТ НОЧНАЯ ПТИЦА

Рассказ-воспоминание

1

Лет десять назад мы с женой купили загородный дом в Подмосковье рядом с Лосиным островом. Точнее, это был «таунхаус» — половина двухэтажного дома с двумя сотками земли для садика или огородика. Для благозвучия буду называть его просто «домом». Дом находился в коттеджном поселке с ласкающим русский слух названием Варежки.

Поселок был совершенно цивилизованным и состоял из полусотни двухэтажных домов, каждый из которых был разделен на два независимых жилища с отдельным входом. Домов было три или четыре вида, и все они были упорядочены по улицам. Улицы были асфальтированными, перед домами были разбиты газоны, на которых хозяева проявляли свою творческую индивидуальность, художественно высаживая цветы, кусты и деревца всевозможных видов и в различных комбинациях. В поселке также было здание управляющей компании, было здание детского садика, был небольшой парк со скамейками, детская площадка, спортивная площадка, две гостевые парковки и даже небольшой зоопарк, представлявший из себя огоро-

женный вольер с курами, индюками и еще какими-то нелетающими птицами. Изюминкой поселка был памятник его названию — две метровые, отлитые в бронзе, варежки. Весь этот небольшой мирок был отгорожен от большого мира трехметровым забором из гофрированного листа. Вход и въезд — только через охраняемую проходную с автоматическими воротами. Снаружи, вдоль одной из сторон поселка, проходила автомобильная дорога с редкими автомобилями днем и пустая ночью, за другой стороной располагался соседний коттеджный поселок с названием «Лосиный остров», а с двух остальных — раскинулись хаотичные дачи.

Некоторое время дом в Варежках виделся нам с женой будущим семейным гнездом вместо московской квартиры. Эти планы не сбылись, и лет через пять дом пришлось продать. Тем не менее, в течение двух лет основным моим писательским кабинетом была комната на втором этаже дома, куда я потихоньку перевозил свою библиотеку из московской квартиры. Я делаю акцент на своей писательской работе, потому что случай, о котором я хочу рассказать, связан именно с ней.

Писал я, как обычно, ночами. (В скобках замечу, что в течение жизни я много раз пробовал писать днем, но все мои попытки перейти на «дневной график работы» неизменно с треском проваливались. Пока солнце не склонится к закату и на улице не зашевелятся тени, мое воображение не оживает — таков мой окончательный творческий диагноз.) Временами, в перерывах между своими литературными занятиями, я выходил прогуляться по поселку. Ночная прогулка по пустому, огражденному от всевозможных неожиданностей поселку — это сбывшаяся мечта любого тайного мизантропа, каковым является каждый нормальный творческий человек.

Однажды летом около полуночи в поселке отключилось электричество. Такое бывало нередко, поэтому опасений не вызвало, но вызвало раздражение и досаду. Электричество вырубилось очень невовремя — заряд моего писательского ноутбука заканчивался, и, если я хотел продолжать писать, то надо было переходить к «первобытным формам» литературы: свечи — бумага — стило. Продолжить я хотел, потому что художественные образы, ближайшие по ходу повествования, были продуманы и лучше было их закрепить на бумаге. Куй железо пока горячо.

Я решил прогуляться, заодно перенастроиться на новый стиль работы. Вдруг я подумал: а можно ли гулять в полной темноте, ведь фонарители в поселки тоже отключились! Я отодвинул штору и удивился тому, что весь поселок был освещен! Было видно все — не только дома, улицы, тротуары, растения на газонах, но также и резкие тени домов и деревьев. За окном было разлито роскошное полнолуние. Поистине ночью темнота есть только там, где светят фонари.

Я шел по хорошо знакомому поселку, погруженный в свой литературный мир, одновременно рассеянно поглядывая вокруг. Поселок вид имел совершенно обычный, и поэтому не требовал пристального внимания. Впрочем, некая странность все-таки, пожалуй, была. И эта незначительная странность, видимо, меня подсознательно немного напрягала. За четверть часа прогулки я не услышал ни единого звука ни из одного из домов, хотя было лето и как минимум треть домов были обитаемы. Конечно, время уже было за полночь, но все равно — немного странно. Ни по поселку, ни по дороге за его забором не проехал ни один автомобиль. Ни разу не пробежала ни одна кошка. Ни единое дуновение воздуха не шевельнуло ни одной ветки. Я шел словно по вымершему поселку, погру-

женному как в воду в холодный лунный свет. И вдруг посреди этого застывшего в лунном свете мира пронзительно прокричала ночная птица. Крик ее был таким неожиданным, таким громким, что я вздрогнул всем телом. Этот крик словно схватил за нервы и передернул меня всего. Такая неоправданно болезненная реакция на птичий крик, пусть и ночной, безусловно, была связана с моим тогдашним погружением в художественный мир произведения, над которым я тогда работал. Во время творческой работы восприятие человека чрезвычайно обостряется, впрочем, это общеизвестно. Птица прокричала еще несколько раз, но каждый ее крик производил на меня все меньшее и меньшее впечатление. Я полностью овладел своими нервами.

В тот момент я проходил по крайней улице поселка. За домами был виден забор, а за забором виднелась ярко освещенная луной широкая лесная просека. Вдруг я отчетливо увидел на просеке две человеческие фигуры. Вид этих людей поразил меня сверх всякой меры. Почему? Не могу точно сказать. Но так или иначе я впился взглядом в них, как в инопланетян, и именно этим объясняется то, что они отпечатались в моей памяти настолько отчетливо, что в течение нескольких последовавших лет я еще долгое время мог по своему желанию извлекать из прошлого эти две человеческие фигуры, облитые лунным светом, и рассматривать их как живых в мельчайших подробностях. Даже сейчас, спустя десять лет, они еще не стерлись из живой памяти. Правда, сейчас к ним присоединились некоторые позднейшие умственные рассуждения, и живость этих лунных образов несколько потускнела.

Итак, это были мужчина и женщина. Причем, это были явно молодые мужчина и женщина. Они шли под руку. Они шли не быстро и не медленно и — не глядя по сторонам. Из каких-то деталей и едва заметных мелочей мне представилось, что они чрезвычайно дорожили друг другом и трепетно ценили каждое мгновение, проведенное вместе, именно поэтому они не замечали ничего вокруг. И еще одна деталь — одежда на них была как будто не совсем современной. Было слишком далеко, чтобы разглядеть детали одежды, но мне почему-то так показалось. Мне показалось, что у женщины слишком длинная юбка, а у мужчины какая-то несовременная кепка и пиджак, каких сейчас не носят. Впрочем, может быть, и так одеваются? Я не очень внимателен к одежде. Видел я их недолго, скоро они свернули с просеки на невидимую с моего места дорогу и скрылись в лесу.

Вот, собственно говоря, и все мое «ночное видение в лунном свете при крике ночной птицы». Отдельно стоящее и ни к чему не примыкающее наблюдение, которое со временем должно забыться. Так, наверное, было бы и с этим воспоминанием, если бы через два года оно совершенно неожиданным образом вдруг не напомнило о себе.

2

Мы с женой продолжали обустриваться в Варежках, «пускать корни», так сказать. Точнее, корни пускали растения в садике-огорожке, но приживались они плохо из-за глинистой почвы, которая после малейшего дождичка превращалась в болото. Через два года мы решили сделать дренаж участка. Обустройство дренажа — процесс многоступенчатый. Первый и самый трудоемкий этап — копание ломаной канавы длиной метров тридцать и полтора глубиной, а также четырехметрового колодца

под дренажную бочку. Для этого я нанял землекопов. Трое землекопов были азиатами, а их бригадир — русским, причем из местных. На второй день в обеденный перерыв слово за слово разговорился с бригадиром, пока остальные ушли обедать в строительный вагончик.

Ему было лет сорок пять, но выглядел он лет на десять старше. Явно пьющий, хотя оба рабочих дня был абсолютно трезв. Судя по наколкам, сидел в тюрьме. Так как мы собирались перебираться в Варежки окончательно, то я считал своим долгом узнать местную историю. Поэтому я наседал на него с вопросами о местных деревнях, в большинстве ныне не существовавших, так как он родился в деревне буквально в трех километрах от нашего коттеджного поселка. Я надеялся выудить из него какие-нибудь живые сведения краеведческого характера. Но ничего толком выудить не удавалось, и тогда для затравки я сказал, что как-то ночью видел две странные, похожие на призраки, фигуры, и рассказал подробно мое ночное видение на лунной лесной просеке.

— Нет, сейчас там нет леса, — он махнул рукой с наколками и дымящейся папиросой на мой рассказ.

Я возмущился и начал с напором доказывать, что там есть и лес, и лесная просека...

— Сейчас там Лосиный остров, — сказал он без малейшего желания продолжать разговор.

Я было открыл рот для энергичного возражения, но вдруг меня словно бревном по голове ударило: какой там лес?! Там же, действительно, соседний коттеджный поселок Лосиный остров! И даже если бы там каким-то чудом оказался лес, то я бы никоим образом не смог бы его увидеть, потому что наш поселок отгорожен от соседних трехметровым забором из гофрированного листа! Я просто потерял дар речи и дар мысли заодно. Неожиданно на помощь мне пришел сам бригадир.

— Раньше там, в натуре, был лес. И просека была... Их там раньше часто видели. Это лесникова дочка и Цыган.

«Цыган» он произнес с ударением на первом слоге. И тогда он рассказал историю вполне «краеведческого характера», как я и хотел. Воспроизвести его рассказ документально невозможно, так как речь его изобилвала оборотами, находящимися за пределами литературной речи. Кроме того, по природе он был молчуном и, как все молчуны, бросал скудные реплики, считая, что все остальное ясно и понятно само собой. Поэтому часть сведений мне приходилось вытаскивать из него клещами, задавая дополнительные вопросы. Поэтому пересказываю его историю своими словами. Это случилось до его рождения, но в среде местных жителей эта история была хорошо известна и передавалась из уст в уста. Вот, что он поведал.

Дело было сразу после окончания Второй мировой войны. По его словам, в районе была нищета и преступность. На месте нынешних коттеджных поселков — Варежек и прочих — был кондовый лес. Где-то здесь, как я понял, был дом лесника. Лесник был огромный, как медведь, по характеру нелюдимый, по нарву — суровый. Его боялись, и в лесу был порядок — ни вырубков, ни браконьеров. У лесника была дочка — девушка добрая, тихая и болезненная. Говорят, очень любила лес, могла часами сидеть на пне на поляне, разглядывая цветы и слушая птиц, или на берегу ручья, глядя на воду. Говорили, что у нее был ручной олень, которого она детенышем вытащила из ямы со сломанной ногой и выходила.

Говорили, что в дупле пятистолетнего дуба у нее был устроен иконостас. Говорили, что... много, чего говорили. Короче говоря — блаженная. И был в этом районе первейший хулиган. Был он русским, деревенским, но почему-то уродился смуглым, и прозвали его Цыганом (ударение на первом слоге). Три окрестных деревни в страхе держал. Драки, поножовщина. Никого и ничего не боялся. Про таких говорят — «родился отпетым». Как он до семнадцати лет дожил — непонятно. Однажды «подломил» он с дружками сельский магазин, и на беду там сторож упрямый попался. Убили его. Когда Цыгана по горячим следам милиция пыталась схватить, он одного «легавого» «завалил». Тогда за него всерьез взялись — облава за облавой. Его тоже ранили, и он вроде как в лесу спрятался. Весь лес десять раз прочесали, под каждый кустик заглянули. Нет его, как сквозь землю провалился.

Оказывается, его лесникова дочка нашла, раненого, и как олененка выходила. Она лес как свои пять пальцев знала и в каком-то урочище его спрятала. Еду и теплую одежду носила. Но «легавые» его все-таки выследили, когда первый снег лег, по следам нашли. Живым не дался — убили. А лесникова дочка скоро тоже умерла. Пока она Цыгана в лесу прятала, у них любовь случилась, а родить не смогла — померла в больнице. Она очень слабая была, здоровьем в мать пошла, а мать ее умерла молодой. Туберкулез костей у нее был, говорят. Потом стали их видеть в лесу по ночам — лесникову дочку и Цыгана. То ли призраки — то ли не призраки... Вроде как живые, но подойти никто не решился: жутко ночью в лесу — зверь воет, птица кричит...

3

Вот и вся история. Какой она была в начале, по сути дела, таковой же она осталась и в конце — отстраненной от всяческих чувств и эмоций. Холодной и чужой, как лунный свет, и — немного жутковатой, как крик ночной птицы. Возможно, в ней была любовь, огромная и прекрасная, как кристалл горного хрусталя, но в таком случае вся ее красота и величие остались исключительно в пространстве между двумя этими несчастными душами, возможно, они еще известны Богу. Снаружи видна только история двух потерянных, бесприютных молодых людей, лишние в нашем жестоком мире. Судьба столкнула их, и они вдруг, в самом конце своих коротких жизней, видимо, нашли друг в друге хоть какой-то человеческий отклик и сочувствие.

Тем не менее, эта история почему-то не забывается, и я постоянно чувствую, что она продолжает жить где-то рядом, хотя уже несколько лет уже нет у нас никаких Варезек. Вроде бы все реалии повседневной русской жизни, которые так громко звучат в этой истории, тоже потускнели, но история не отпускает... Почему? «Почему?» — задал я себе вопрос, вытацив это воспоминание еще раз из прошлого в мир размышления.

Думаю, что в этой истории есть прикосновение к реальному мирозданию, неприкрашенному никакими смягчающими упрощениями. Действительно, если верна хотя бы одна сотая часть всевозможных рассказов и фантазий о рае, то блаженная лесникова дочка неизбежно должна была оказаться в раю. Соответственно, убийца Цыган с той же неотвратимостью должен был попасть в ад. Тогда что же такое — земная кора, на которой суетливо живет нынешнее человечество? Полу-

чается, что наша поверхность земли находится за пределами рая — за «запертыми дверьми» рая. Но в то же время власть ада тоже нельзя признать полной. «Ничейная полоса», «серая зона» — выражаясь военными терминами. Наш мир, если смотреть на него трезво, не дополняя его своими желаниями, — это какой-то дрожащий в мареве зыбкий перекресток миров без очевидных законов, без очевидной благодати. И только здесь, в этой пограничной реальности, могут встречаться влюбленные, разведенные по противоположным мирам. И еще эта история открыла мне глаза на одно качество любви. В истории не видно ни красоты любви, ни ее постоянства — никаких тех прекрасных качеств, которые обычно ей присущи, но видна ее какая-то первозданная, стихийная и неодолимая сила, когда ни закрытые двери рая, ни преграды ада — ничто не может остановить движение любящих друг к другу. Любовь взламывает границы миров хотя бы на время, когда кричит ночная птица.

